

Юлия Немцова, «Новые Известия»

Евгению Симонову тоже потянуло на рельсы...

«Анна Каренина» — последнее детище арт-агентства «Богис», того самого, которое недавно прославилось сначала выходом спектакля Фокина по пьесе Радзинского «Последняя ночь последнего царя», а потом — благополучной его потерей по финансово-организационным причинам. Список из пяти авторов новой постановки, исключая Льва Н. Толстого, возглавляет Андрей А. Эшпай. Количество действующих лиц и исполнителей ограничивается одной Анной — Евгенией Симоновой. Симонова играет моноспектакль, поставленный собственным мужем, на привычной для себя сцене Маяковки. Одним словом, по-домашнему.

Авторы театрального комикса исхитрились пересказать толстенный роман за полтора часа. Собственно, мы становимся свидетелями последних часов жизни измученной дамы. Ни тебе картин счастья, ни тебе параллельных сюжетов — Кити, Левин, Долли упоминаются вскользь. Вронский и сын Сережа тоже существуют за рамками сцены, кажется, что и они лишь плод больного воображения Анны. Фраза «надо кончать» появляется уже на первых минутах спектакля, и все дальнейшее действие подчинено ей. Сбивчивый монолог рефлексивной Анны похож на истеричную жалобу по телефону с рефреном: «Он ненавидит меня, он любит другую женщину, это ясно». Кажется даже, что сейчас она выплещется, неартистично похлопает носом, пойдет умоется и будет жить дальше...

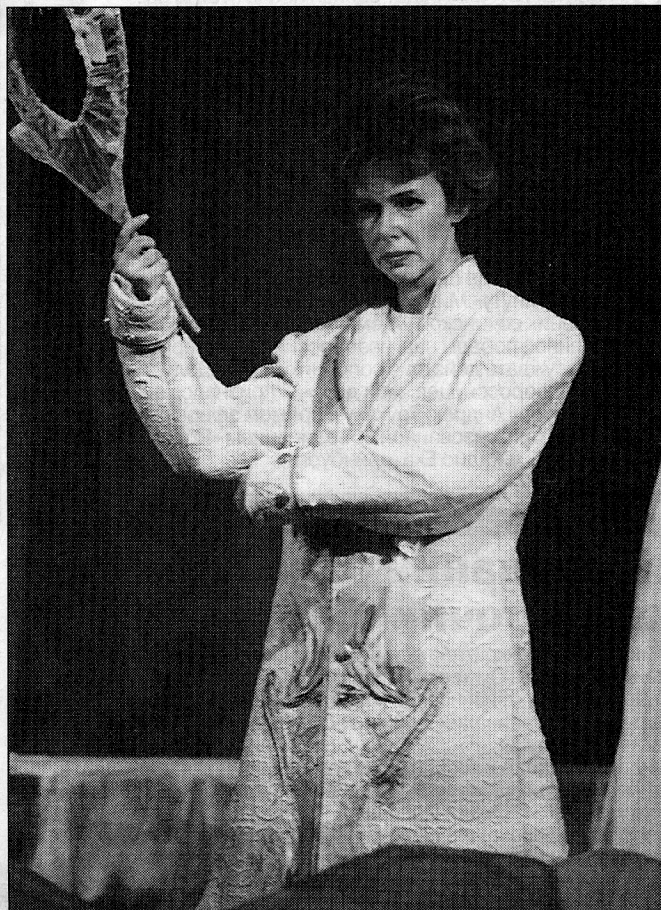
Анна то бормочет что-то настолько невнятно, что слов не разобрать, то выкрикивает слова звонко и ясно, убеждая себя, что все кончено. Единственный ее собеседник — нелепая тряпичная кукла. Да и сама Анна двигается как-то по марионеточному неловко, рывками. Время от времени в ее руках появляются и другие игрушки — детали от детской железной дороги, маленькие рельсы-шпалы. Периодически в зале раздается стук колес, а на последней минуте Симонова, раскинув руки, как на распяты, начинает бешено вращаться вниз головой, слившись с центрифугой. При этом из груди ее вырывается последнее: «Господи, прости мне все!»

Собственно, беда спектакля в

том, что форма поглотила содержание. Сложные конструкции, установленные на сцене, диктуют свои правила игры. Анна Каренина похожа на Снежную королеву, заблудившуюся в своем безнадежно белом царстве, где отголоски колокольчиков и металлофона напоминают звяканье сосул. Здесь санки были бы намного уместнее, чем странного вида велосипед с одним колесом большим и одним маленьким. Среди капроновых полупрозрачных сугробов героиня марширует, словно боец любовного фронта, в белом мундире с эполетами и галунами. В общем, не надо быть медиком, чтобы понять: перед нами человек больной. Она вся на виду, как мушка в янтаре. И мы безжалостно препарлируем ее своими ищущими глазами, ожидая, когда же закончатся ее мучения. Надо сказать, что аго-

ния слишком затянулась. Зал Маяковки, наполненный где-то на треть, на исходе первого часа еще опустел...

Сравнение с Анной Карениной русские женщины, на классике воспитанные, воспринимают скорее как комплимент, как признание того, что они способны глубоко чувствовать. К сожалению, для актрис, Анну играющих, этого недостаточно. Как мучаются режиссеры от отсутствия Маргарит для Мастерова, так же трудно найти Каренину. Кроме Татьяны Самойловой, и вспомнить-то, кажется, толком некого. Евгения Симонова играет скорее современную домохозяйку с расшатанными нервами, которая мужу опостыдела, и он стал погуливать. Памятуя другие роли актрисы, хочется списать неудачу на режиссерские недостатки.

Женщина трудной судьбы...